

Андрэ Олдмен

Змеиный камень

Олдмен А.

Змеиный камень / А. Олдмен —

В книгу вошли романы Д.Мак Грегора «Конан и призраки прошлого», Т.С.Стюарта «Дары зингарийцев», А.Олдмена из цикла «Шадизарские ночи», «Роковое ухо» и «Змеиный камень».

Содержание

1. Дом на набережной	5
2. Прекрасная верхивостка	10
3. Ночные тени	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрэ Олдмен

Змеиный камень

1. Дом на набережной

Утро было великолепным.

В шадизарских садах, чуть тронутых желтизной осени, с глухим стуком падали на землю созревшие плоды. Солнечные пятна играли на подсохшей траве, лениво гудели пчелы, собирая позднюю дань с увядавших цветов. Босоногие водоносы тащили в подвешенных на длинных палках кожаных ведрах холодную родниковую воду, кричали птичьими голосами разносчики фруктов, тяжело гроыхали по камням набережной повозки, до верху нагруженные тюками и корзинами, бочками и ящиками, камнями для строек и клетками с живностью.

На Большом Канале теснились лодки и мелкие суда. Их владельцы еще кутались в шерстяные плащи и накидки – многие провели ночь прямо на палубе или среди скамеек. Те, кто побогаче, попивали сладкий щербет и легкие вина из тонкостенных сосудов, закусывая пирожками с медом и миндалем, сочными грушами, яблоками и сгущенным виноградным соком, а иные обжоры позволяли с утра пищу и потяжелей: капающий янтарным жиром кабоб на длинных железных шпажках, конскую колбасу и даже калле-паче – бараньи головы и ножки вперемешку с тушеными овощами и зеленью. Лодочники победней довольствовались кислым овечьим молоком, пресными лепешками и сушеными клубнями маниоки.

И бедные, и богатые, покончив с утренней трапезой, принимались жевать бетель – смесь перечной лианы, кусочков негашеной извести и плодов араковой пальмы. Жвачка сия весьма поднимала настроение и придавала силы, что было весьма нелишним, если учесть множество дел и забот, уготовленных разгоревшимся днем.

Человек, наблюдавший за мирной картиной пробудившегося города с широкой террасы своего дом на набережной, тоже жевал бетель. Был он среднего роста, с приятным бритым лицом, одет в широкий халат, атласные шаровары и комнатные мягкие туфли. Полные губы мечтательно улыбались, холеные пальцы рассеянно теребили пушистое полотенце, висевшее на плече.

Хозяина дома звали Шейх Чилли.

Он только что умылся из поданного служанкой кумгана, позволил приходившему каждое утро цирюльнику чисто выскоблить бритвой свои крепкие щеки, умастит их нарциссовым маслом, а выющиеся волосы полить тонкими благовониями, отведал чашку подслащенного айрака, закусил бекмезом, после чего отправился на террасу. Глядя вниз, на пеструю толпу спешивших по своим утренним делам шадизарцев, он уже почти забыл лицо женщины в коричневой накидке с широкими разрезами вместо рукавов, которая покинула его ложе сов ем недавно и сейчас затерялась в людском водовороте.

Шейх Чилли признавал женщин только ночью. В иное время их существование повергало его в досаду, смешенную с легким недоумением. Он никак не мог понять, для чего Митра расплодил эти бестолковые, вечно чем-то недовольные создания в таком количестве. С домашними делами, скотиной и огородом неплохо справляются рабы и слуги, что же касается любовных утех, для того есть гетеры и наложницы, которых следовало бы запирать покрепче в гаремах и домах терпимости с первым проблеском утренней зари. Тем же, кто хо ет продолжить свой род, сообразней было бы прогонять жен после рождения наследника, ибо жены подобны вампирам, пьющим не кровь, но мозговое вещество своих и без того не слишком умных мужей...

Именно так, и это следует записать!

Бормоча себе под нос, Шейх Чилли отправился в комнату, где на резной деревянной конторке лежала книга в сафьяновом переплете и остро отточенное тростниковое перо – калан.

Найдя чистую пергаментную страницу, он обмакнул калан в сок чернильных ягод, немного подумал и вывел следующие строки:

«Между различными видами коней, металлов, деревьев, камней, одежд, мужчин и напитков существует большая разница. Но нет отличия среди женщин, а потому мудрый избегает дружбы змеи, споров с толпой, переправ через бурные реки и любовных утех в час без тени. Поспешно взявший жену подобен индюку, считающему, что повар готовит похлебку, чтобы насытить глупую птицу.»

Шейх Чилли перечитал написанное и остался доволен: утро не пропало даром, скрижаль мудрых мыслей, которую он пополнял вот уже десять лет, обогатилась еще одним небесполезным изречением.

Книгу эту Чилли позаимствовал некогда у своего первого учителя, странствующего пандида. По вечерам старик царапал страницы тростниковым пером, поверяя им плоды своих возвышенных размышлений. Когда Чилли посчитал свое ученичество оконченным, он прихватил у пандида мешок золота, медную чашу для подаяний, четки, еще кое-какую мелочь и, оставив благодарственную записку, отправился в самостоятельные странствия, бурные и непредсказуемые, как Западное море. Не одну пустыню пересек он, не в одной стране поб вал, немало приобрел и многого лишился, но книга в сафьяновом переплете всегда была в его заплечном мешке или лежала за пазухой, днем согревая тело, а вечерами – душу.

Особенно нравились ему мысли старого мудреца о богатстве. Такие, например:

«Кто богат – тот знатен, тот умен, тот знаток добродетели, тот воистину совершенен...»

Или:

«У кого деньги – у того друзья, у кого деньги – тот человек ученый и уважаемый...»

Правда, в дни. Когда не удавалось собрать достаточно «святых даров», причитавшихся служителю Митры на свадьбах и похоронах, пандид вдруг принимался славить бедность, утверждая, что та делает человека незаметным и позволяет ему беспрепятственно наблюдать за другими. В этом была толика правды, но Чилли все же полагал, что если нищета может в иных случаях быть плащом-невидимкой, то золото всегда является надежной броней и защитой от жалящих стрел всевозможных бед и напастей. А посему, следуя расположению звезд, предсказавших ему добиваться всего собственным умом и изворотливостью, бывший ученик пандида направил свои усилия в нужном направлении и весьма в том преуспел.

Ныне он с легкой усмешкой мог перечесть свою первую запись, следовавшую за каракулями пандида:

«Ветер – друг огня, который пожирает лес, но тот же ветер тушит огонек в лампаде; кто друг бедному человеку?»

Огонек в лампаде с каждым годом разгорался все сильнее, питаемый его хитроумием, благосклонностью Бела, а также глупостью и жадностью многих, чья дорожка пересекалась с кривой стежкой блистательного авантюриста.

Шейх Чилли никогда не опускался до обычного воровства. Он принимал лишь то, что само плыло в руки. Случалось ему продавать невидимые дворцы и волка в мешке, дырки от кренделей и запах туберозы, звон монет и взгляд птицы семург, небесный окаем и водяные горы. Покупатели всегда находились. Он умудрился всучить вендийским купцам две тысячи

зингарских шпаг, столь же годных для тюрбанного войска, как железный нож для пикта. Некий богатый северянин приобрел у него табун беговых верблюдов, разумея, очевидно, что длинные ноги сих теплолюбивых животных сгодятся на заснеженных гиперборейских полях. Гирканский вождь купил триста мешков горячего песка из шемской пустыни, желая обогреть им свои кибитки. Черный король Амазонии внял уговорам и отправил в Ванахейм флотилию груженных самоцветами тростниковых лодок, чтобы обменять драгоценности на ледяные глыбы, из которых намеревался возвести в джунглях сверкающие хоромы...

Лодки, к сожалению, стали добычей ни то бараханских пиратов, ни то гигантских спрутов, так что мечта черного короля осталась неосуществленной, а Шейх Чилли отправился в Замору, чтобы поселиться в славном Шадизаре, обрести покой и завершить наконец начатый некогда старым пандидом тяжкий труд: «Книгу тысячи песчинок», как он ее называл.

По дороге в страну воров любимец Бела заночевал в одном из блистательных гаремов Иранистана. Без ведома хозяина, конечно, исключительно в силу своей неподражаемой способности находить общий язык со всеми, включая сторожей и даже некоторых евнухов. Выведав у сладострастных одалисок всю подноготную страдающего ожирением и хронической изжогой повелителя, Чилли явился пред его очи и столь успешно погадал изумленному вельможе на своем магическом плате, что получил в подарок дюжину красивейших ковров, двух верблюдов, звание чашнигара и самую толстую наложницу. От двух последних даров он вежливо отказался: звание чашнигара предполагало опробование яств на предмет отсутствия ядов, а женщина была слишком глупой и ленивой, чтобы использовать ее по хозяйству.

Ковры же пришлось кстати: получив от шадизарского наместника за немалую плату вид на жительство, Чилли купил по случаю дом возле Большого Канала и открыл при нем торговлю тканными изделиями.

Распоряжался в лавке хромой и жуликоватый Ахбес, почитавший своего хозяина лучшим и достойнейшим из людей: Шейх Чилли ничего не понимал в коврах и никогда не заглядывал в счета и расписки покупателей. Ахбес полагал, что только так и подобает вести себя человеку просвещенному и богатому – жалование пусть и вовсе не платит, только бы навар каждый день не пересчитывал!

Впрочем, хромоногий приказчик подозревал, что торговля коврами отнюдь не является для его господина основным занятием. Ахбес давно приметил, что многие посетители не долго задерживаются в лавке: помяв для приличия ткань и похвалив узоры, они отправлялись наверх, где угощались айраном, солеными фисташками, фундуком и миндалем, о чем-то подолгу беседуя с достопочтенным Чилли. И если поначалу тень заботы лежала на их лицах, то спустя день-другой, когда гости появлялись вновь, прикрывая полами халатов оттопыренные пояса, на губах их играли довольные улыбки, исчезающие лишь ненадолго, когда посетители принимались что-то подсчитывать, беззвучно шевеля губами.

Ахбеса снедало любопытство. Вчера, когда пришла женщина в коричневой накидке, он не удержался, пробрался наверх и принялся подслушивать возле неплотно прикрытых дверей.

У женщины стряслась беда: умер муж. Однако беда заключалась не в том, что сей мелкий торговец отправился в Нижний Мир (был он стар и весьма докучлив), а в его завещании. Скрепленное печатью городского нотариуса, завещание предписывало вдове продать единственного верблюда, а вырученные деньги пожертвовать на алтарь Митры. Очевидно, торговец никак не желал вечно скитаться по Серым Равнинам и надеялся откупиться. Вдова была в смятении: палевый красавец с томными глазами честно кормил семью, и вот тепер между его горбов будет ездить кто-то другой! И мало того, вся выручка достанется жрецам. О том, чтобы нарушить волю умершего, не было и речи: женщина опасалась гнева Митры и городских властей.

Ахбес затаив дыхание ждал, что ответит Чилли. Но вместо этого услышал свое имя, произнесенное негромким, вкрадчивым голосом хозяина. Обливаясь потом и зыркая по сторонам глазками, приказчик вошел и склонился в низком поклоне.

– Ай-яй-яй, – донеслось до него, словно сквозь вату, – да у тебя, друг мой, ослиные уши!

Ахбес что-то забормотал в свое оправдание, но Чилли нетерпеливо махнул рукой и приказал ему сесть.

– Я не хочу, чтобы в городе ползали сплетни, будто я занимаюсь здесь чем-то незаконным, – сказал он, – а лучший способ развеять слухи – рассказать все слуге. Слушай, прохвост, и не говори потом, что твой господин что-то скрывает.

И Ахбес услышал удивительный совет, который его господин дал той женщине.

– Исполни завещание покойного, – сказал Шейх Чилли, – продай верблюда и отдай деньги жрецам.

Посетительница всхлипнула и принялась кусать пальцы.

– Но, – добавил хозяин, улыбаясь, – продай его вместе с кошкой.

– С кошкой?! – воскликнула вдова так испуганно, словно Чилли предложил ей проглотить раскаленный уголь.

– Думаю, у тебя найдется в доме кошка, – продолжал советчик как ни в чем не бывало, – ты отнесешь ее на рынок и скажешь покупателям, что верблюд продается только вместе с этим милым животным. Кошка стоит тысячу монет, а верблюд – один золотой...

Женщина заголосила. Среди ее невнятных восклицаний можно было все же разобрать, что несчастная вдова скорее даст посадить себя на кол, чем продаст кормильца за одну монету.

– Да пусть вылезут у меня волосы, да пусть отсохнут ноги, – вопила она, – да пусть язвы покроют мое тело! Где это видано, просить столь ничтожную цену за здоровое животное!

– Для Митры одна монета, поданная благочестивой рукой, столь же дорога, как и тысяча, – слегка поморщился Чилли. – Разве ты не хочешь выполнить волю мужа и отдать жрецам то, что им по праву принадлежит? Плату за кошку можешь оставить себе.

Просительница умолкла, глаза ее радостно заблестели.

– Воистину, ты самый мудрый из всех шадизарцев! – воскликнула она и бросилась целовать руку Чилли. – Тысяча золотых... Я поделюсь с тобой, о светоч учености. Вот только объясни мне, достойнейший, где сыскать покупателя, готового отдать за обычную кошку столько золота?

Шейх Чилли горестно взмахнул руками.

– Воистину, – сказал он сердито, – твоя красота достойна твоей глупости. Помысли: ведь кошку ты будешь продавать вместе с верблюдом. Поняла?

– Нет, – честно призналась женщина.

– Ахбес! – рывкнул тут хозяин. – Отправляйся с этой несчастной на рынок и помоги спасти ее детей от голодной смерти. Ты все понял?

Приказчик все понял. Он был восхищен. Он мысленно возблагодарил Бела, за то, что бог всех пройдох послал ему столь достойного господина. Ахбес не любил чванливых жрецов и считал, что золоту более пристало отягощать карманы мирян, чем украшать алтарь Митры. Кроме того, хромоногий надеялся, что его пояс после возвращения с базара слегка потяжелеет.

Ахбес выполнил указание: продал верблюда за одну деньгу, облезлая же кошка вдовы потянула на тысячу пятьдесят золотых. Покупателю, какому-то хауранскому купцу, он объяснил, что кошка продается согласно древнему поверью, согласно которому зверек сей является лучшим оберегом для своего горбатого сотоварища. Хауранец только посмеялся, посчитав, что у продавцов не все дома. Как, впрочем, у всех шадизарцев.

Полсотни золотых Ахбес оставил себе, одну монету вдова торжественно отнесла в храм, судьба остальных денег осталась для приказчика неведома. Посетительница явилась поздним вечером с увесистым мешочком, но Ахбес готов был поклясться, что тот вовсе не стал меньше,

когда симпатичная вдовушка покинула спальню хозяина нынешним утром. Ночами Шейх Чилли иногда предпочитал презренному металлу горячие женские ласки.

Проводив гостью, Ахбес отправился в лавку. Он придирчиво осматривал поступивший недавно кхитайский шелк, когда прибежал мальчишка. Выслушав его сбивчивую речь, приказчик отправился наверх и застал своего хозяина возле конторки.

– Пришел посыльный из бани Шахмура, – доложил Ахбес с поклоном, – некий бедолага лишился своей одежды и просит тебя, господин, прислать ему какое-нибудь старое платье, ибо не может появиться на улицах в срамном виде.

– Как зовут этого недотепу? – спросил Чилли, откладывая тростниковое перо.

– Он назвался Ши Шелалом, господин, – еще раз поклонился приказчик, – говорит, что ты его знаешь.

2. Прекрасная вертихвостка

Шейх Чилли отлично знал Ловкача Ши. Однажды этот невзрачный человечешко с крысиной мордочкой помог ему в некоем деле, где фигурировал заброшенный дом, мнимый призрак и ухо одного жадного ювелира, намертво приклеившееся к створке дверей. Ши тогда получил причитающуюся ему долю и решил стать почтенным торговцем: закупил в Аренджуне кучу разной посуды и домашней утвари и открыл лавку. Дела у него шли неплохо.

Когда посланный в баню Шахмура приказчик доставил Шеламу в дом своего господина, Ловкач выглядел довольно жалко. Полы старого халата волочились, словно крылья подстреленной птицы, острый носик поник, волосы всклокочены.

Ши рухнул на подушки и стал ломать пальцы, вращая при этом зрачками, что делал всегда, когда был чем-то до крайности огорчен или озабочен.

Хозяин дома хранил молчание, ожидая, пока гость заговорит.

– Не иначе как сам Бел лишил меня разума, – воскликнул наконец Ловкач, потирая узкий свой лобик. – Ты был прав, Чилли, когда утверждал, что женщина создана нам на погибель.

– Ты женился?

– Чуть было. Я стоял в десяти шагах от пропасти.

– Какая точность! Почему именно в десяти?

– Ровно столько было между кустами и той вертихвосткой, которая дважды меня надула.

– Второй раз, надо полагать, сия особа похитила твою одежду. А первый?

– Еще хуже! Она вывезла на шести мулах почти все содержимое моей лавки!

Настала очередь Чилли потирать лоб. Это однако не помогло, и хозяин дома на набережной вынужден был признать, что ничего не понимает.

Тогда Ловкач, которого дважды надули, поведал ему о своих заключениях.

Три дня назад явилась к нему некая госпожа. Четверо слуг несли ее в резных носилках, а еще трое гнали следом мулов. Процессия остановилась возле лавки Ши, женщина вошла; следом, сгибаясь под тяжестью сундука, появились слуги. Госпожа желала купить посуду, много посуды.

– Точнее говоря, – рассказывал Шелам, – она хотела приобрести все, что у меня было. Сказала, что справляет поминки по отцу и ждет много гостей. Лицо ее прикрывала черная накидка, и когда она откинула покрывало, я... она...

– Она была прекрасна, как майский цветок, – подсказал Чилли.

– Как благоухающий куст, покрытый тысячью цветов!

– Как тысяча кустов, покрытых миллионом роз.

– Да, и еще лучше! Если бы ты ее увидел, не стал бы меня подначивать. Глаза, как... как...

– Озера, – снова вставил Чилли.

– Губы, как...

– Кораллы.

– Да, кораллы! А волосы чернее воронова крыла! Юная и прекрасная...

Ши замолчал и причмокнул.

– И она тебя обокрала, – снова подал голос хозяин.

Шелам застонал.

– Я потерял голову! Сам помогал грузить мулов. Когда пришло время платить, девушка хотела открыть свой сундук...

– Да ключ забыла дома, – перебил Чилли.

– Ты откуда знаешь? – изумился Ловкач.

– Догадываюсь. Скажу больше: она предложила оставить у тебя сундук, пока мулы отвезут посуду и она сможет вернуться с ключом. И ты, дурень, согласился.

– Так ведь я посмотрел, что в сундуке, – обиделся Ши. – Если бы не посмотрел, не так обидно.

На этот раз удивился Чилли.

– Как же ты смог в него заглянуть, если крышка была заперта? – спросил он.

– А вот так! Сверху было небольшое слюдяное окошко, смотрю – блестит что-то, я и поверил, что золото.

Хозяин дома расхохотался.

– Одно меня удивляет, – сказал он, отсмеявшись, – то, что провела тебя женщина. Ты хоть имя ее узнал?

– Она говорила, да я запомнил. Говорю, потерял голову!

Ловкач сердито надул губы и нахохлился, словно курица на насесте.

– В сундуке, конечно, были обычные камни, а сверху несколько начищенных медяшек, – продолжал рассуждать Чилли. – Ты ждал до вечера, потом взломал крышку и смог в этом убедиться.

– До утра я ждал, – буркнул Ши, – и не медь там была, а настоящее золото. Десять монет, цена одного хорошего кувшина.

– Щедрая женщина, – заключил его собеседник, – и, видимо, не бедная. Не верю, что она сама додумалась до такого, видать, подучил кто-то. Трюк, в общем-то, старый, но на некоторых простаков отлично действует. Ну, а как же ты второй раз купился?

Ловкач немного посопел и рассказал, как он купился во второй раз.

Было это вчера на закате. Весь день Ши бродил по городу, разыскивая пропавшую покупательницу, но, так как позабыл ее имя и не мог толком описать наружность девушки, нисколько не преуспел. К вечеру он оказался на пустыре возле городской стены, где росли чахлые кусты и несколько кривых вязов. Ловкач присел возле дерева, оплакивая свою лихую судьбу. Однако он даже мысленно не смел проклинать обманщицу, чье прекрасное лицо маячило перед ним подобно яркой лампе, рассеивавшей мрак горестных размышлений.

– Слезы застилали глаза мои, – несколько высокопарно, как все влюбленные, повествовал Ши, – когда же пелена спала, увидел я, что красавица стоит передо мной и грустно на меня смотрит. Оказывается, она тоже искала меня, испытывая муки совести и желая вернуть украденное. Я думал, что схожу с ума, и все это мне мерещится, но она дотронулась до моих щек и утерла мне слезы... Можешь угадать, что было дальше?

– Не могу, – признался внимательно слушавший Чилли.

– Она предложила мне жениться! На ней. Сказала, что покойный отец ничего не оставил, и только это заставило ее пуститься на хитрость, чтобы достойно справить поминки. Но, если меня не смущает ее бедность, и я кое-чем докажу свою любовь, она немедленно отдаст мне самое дорогое, что есть у женщины.

– О боги! – не удержался Чилли. – И ты поверил?

– Да! – взвизгнул Ловкач, вскакивая. – Поверил! Она околдовала меня! Я скинул одежду и пустился к кустам, вопя во все горло: «Я люблю, я люблю!», Как она просила... Вертихвостка! Обманщица!

И он забегал по комнате в крайнем возбуждении, сметая полами халата подушки и опрокидывая бамбуковые этажерки.

Хозяину пришлось ждать, пока Ловкач утомится. Когда тот немного успокоился и снова уселся, Чилли сказал:

– Не стоит так расстраиваться, не ты первый, кому женские чары вскружили голову. Женщины подобны прекрасным птицам, под пышным оперением коих таится змеиная сущность. Митра сотворил их, дабы испытывать стойкость мужей. Но как ты оказался в бане?

– А куда мне было деваться, голому? – горестно отвечал Ши. – Пробрался тайком в купальню старого Шахмура, что возле пустыря, и пересидел там ночную стражу. А утром, когда

пришли посетители, вылез из-под лавки и отправил к тебе мальчишку. Спасибо, что не оставил в беде старого приятеля.

Он умолк и, вспомнив, что сегодня еще не завтракал, поспешно принялся поедать жареные орехи, пахлаву и фрукты.

Чилли тоже молчал, что-то обдумывая. Потом задумчиво произнес:

– Удивительную историю поведал ты, друг мой. И самое удивительное в ней то, что женщина рискнула дважды обмануть тебя в течении короткого времени. Пройдохи обычно стараются держаться подальше от тех, кого смогли провести и на ком смогли поживиться. Это понятная осторожность. Сия же особа не побоялась вновь подшутить над человеком, который ее уже знал. Странно. Либо она преследовала свои, ведомые лишь ей планы, либо ее действия следует отнести на счет обычной женской глупости. Так как тебя не отнесешь к персонам, вокруг коих плетутся интриги, остановимся на последнем предположении. Не хочешь ли обратиться к властям?

– А! – отмахнулся Ши Шелам. – Не люблю я судейских. Да и стыдно мне, уважаемый, ох как стыдно! Провела меня мерзкая баба...

– Да не ты ли называл ее благоухающим розовым кустом? – усмехнулся Чилли. – Не ты ли сравнивал ее глаза с глубокими озерами?

– Омуты это, где нечисть водится, а не озера, – пробурчал Ловкач. – Верить ли, как вспомню ее лицо, так в груди становится горячо и ноги ватные... Ее бы убить надо, а явись она сейчас, снова голову потеряю!

– Сходи в веселый дом к матушке Хатиме, – посоветовал Чилли невозмутимо, – или к цирюльнику, кровь пустить. Полегчает.

– Может и схожу, – покивал Ши. Потом, помявшись, робко продолжил: – Послушай, уважаемый, нет ли у тебя какой работенки? Помнится, мы славно обтяпали одно дельце, ну, с ювелиром этим... И навар был неплохой. Я снова без гроша и готов взяться за любое предприятие.

– У тебя осталась еще лавка, – напомнил Чилли, задумчиво потирая гладко выбритые щеки.

– Что проку в лавке, когда нет товара, – удрученно пробормотал Ловкач, – домишко плохонький, за него много не выручишь. Не дай пропасть, уважаемый! По глазам вижу, что-то есть у тебя на уме...

Шейх Чилли немного помедлил, отхлебнул из чашки разбавленную водой сыворотку и заговорил веско и наставительно.

– Плох тот, кто держит свой дом полным, а голову пустой, равно как и муж, пекущийся лишь о приумножении богатства, ибо пчелы собирают мед в улей, а пользуются им другие. Жизнь человеческая подобна реке, в которую нельзя войти дважды, но всякий может возвести запруды, чтобы направить поток в нужное русло. Истинно мудр лишь тот, кто не гоняется за облаками в небе и не взбирается на дикие скалы, где обитают хищные орлы и коварные змеи...

Ши таращил на него глазенки, тупо кивая после каждого слова.

– А посему, – молвил Чилли, – следует размышлять, прежде чем действовать. Сейчас я обдумываю некое дело, сулящее немалую выгоду тем, кто за него возьмется. Увы, мой друг, я не могу предложить тебе в нем участвовать, ибо ты слаб и, несмотря на свое лестное прозвище, не слишком умен...

– Нам хватит твоего ума! – горячо перебил его коротышка. – Хватит с избытком! Тебе все равно понадобится помощник, готовый в точности исполнить любое указание, и я схожусь, как нельзя лучше. Что же касается силы, тут ты прав. Вот если бы наш юный киммериец, этот тигр отваги и скала мышц, присоединился к нам, как в прошлый раз...

– Кстати, что ты о нем слышал? – заинтересованно спросил Чилли.

– Да то же, что и все, – отвечал Шелам, – он спустил немало денег в шадизарских духанах, убил восемь человек, дюжину искалечил, а потом куда-то исчез. Болтают, подался зачем-то в Эр-Шуххру...

– Это, кажется, паршивый городишко, что лежит между Шадизаром и Аренджуном?

– Гнилое место, – плюнул Ловкач, – уж на что шадизарцы да аренджунцы продувные бестии, но столицей нашей страны воров я сделал бы Эр-Шуххру!

В это время снизу раздался какой-то грохот. Не успел Чилли отправить служанку узнать, что там случилось, как дверь комнаты отворилась, и над головами остолбеневших приятелей, отчаянно дрыгая руками и ногами, с ужасным воплем пролетел несчастный Ахбес. Он плюхнулся в дальний угол, вдребезги расколотив дорогую утгарскую вазу, поднялся на четвереньки и, жалобно подвывая, проворно побежал прятаться за шкаф.

– Твой пес не хотел меня впускать! – раздался с порога трубный глас.

Покрытый с головы до ног дорожной пылью, с торчащей из-за левого плеча рукоятью тяжелого аквилонского меча, яростно сверкая синими, как северные озера, глазами, в дверях стоял Конан-варвар собственной персоной.

3. Ночные тени

Усевшись, киммериец первым делом потребовал вина. Ахбес был извлечен из-за шкафа и отправлен в подвал: хозяин дома сам горячительного не употреблял, но для гостей держал и аренджунское, и пуантенское, и еще более экзотические напитки. Приказчик удалился, стена, охая и злобно поглядывая на юного варвара.

– И захвати жареного мяса, сын шакала! – бросил ему вслед киммериец.

– Ты зря его обижаешь, – мягко сказал Шейх Чилли, – он хороший слуга, хоть и приворывает в лавке.

– И ты терпишь? – хмыкнул Конан.

– Честолюбивый имеет сотню преданных слуг, мудрый предпочитает одного хитрого. Пожалуй, это стоит записать. А ты, мой друг, не хочешь ли тем временем смыть с себя грязь? Поверь, омовение по утрам не только бодрит тело, но и лишает душу груза забот.

В сопровождении служанок Конан удалился в купальню, а хозяин дома пополнил тем временем «Книгу песчинок» еще одним мудрым изречением.

Киммериец вернулся в широком полосатом халате, бросил подле себя ножны с мечом и, развалясь на подушках, принялся уплетать за обе щеки жирный курдюк с фасолью, луком и черносливом, лагман с овощами и острыми специями, голубцы с виноградными листьями и сладкий рис с шафраном, запивая все это добрыми глотками пальмового вина, несколько приторного, но достаточно крепкого.

Щеки служанок пылали, девицы смотрели на юного варвара с нескрываемым восхищением.

– Что привело тебя в мой дом в столь ранний час? – вежливо спросил Чилли, поддерживая трапезу маленькими горстками рисового зерде. Мяса он избегал.

– Нергал меня привел, – отвечал Конан с набитым ртом, – чтобы съели желудочные черви кишки этому прохвосту...

– Нергалу? – не понял Чилли.

– Кром! – рявкнул варвар, бросая обглоданную баранью кость на устилавший пол иранистанский ковер. – Я говорю о том юнце, который подсунул мне сущих бестий в образе коня и трех собак!

– Юнце?

– Ну да, о смазливом мальчишке с усиками. Клянусь единственным глазом Бела, следовало их выщипать! В наших землях мужчины скоблят лицо, пока не убьют первую дюжину врагов. А этот змееныш отпустил волосы на губе, с которой еще не стер материнское молоко!

– Послушай, – сказал Чилли вкрадчиво, – успокойся и расскажи все по порядку. Наш друг Шелам уже потешил меня своей историей, думаю, твоя окажется не менее забавной.

– Забавной?! – Конан сжал кулаки. – Она забавна, как танец повешенного! Много я слышал про обманщиков из Эр-Шуххры, но чтобы меня провел мальчишка!..

Хозяин дома с трудом сдержал улыбку. Варвару едва минуло шестнадцать зим от роду, ни один волос не украшал его смуглое лицо, но киммериец уже давно считал себя взрослым мужчиной. Не без оснований, впрочем. Те, кто имел неосторожность выразить сомнения по этому поводу, поплатились здоровьем, а многие и жизнью.

– Ты говорил что-то о коне и собаках, – осторожно напомнил Шейх Чилли, наблюдая за своим гостем из-под полуприкрытых век.

Конан отхлебнул вина, вытер губы тыльной стороной ладони и, несколько успокоившись после сытной трапезы, поведал следующее.

После того, как они поделили деньги ювелира, он славно погулял в Шадизаре, окруженный преданными друзьями и готовыми на все женщинами, которые, словно пчелы на мед, сле-

телись на звон его золота. Духанщик Абулетес, равно как и иные содержатели питейных заведений могли быть довольны: монеты старого скряги с Алмазной улицы вскоре перекочевали в их крепкие сундуки. Впрочем, довольны были и собутыльники, и игроки в кости, и даже жрецы храма Митры, которым варвар пожертвовал с похмелья увесистый мешочек, чем сейчас весьма сожалел.

– Один жрец стал увещевать меня заходить почаще, – рассказывал Конан, прихлебывая пальмовый настой, – я же всегда считал, что Митре золото вообще ни к чему. Так ему и сказал. Он стал гундосить что-то о благочестии и осторожности, о будущем... Блажен, говорит, тот, кто преумножает богатства на благо себе и богам. Насчет приумножения я согласился и стал думать, как бы распорядиться остатком денег. Тут и послал ко мне Нергал Кривого Ахбара. Вы знаете Кривого Ахбара?

– Никогда о нем не слышал, – сказал Чилли.

– А я слышал, но знать его не хочу, – сказал Ши Шелам.

– Правильно, – согласился киммериец, – ублюдок этот Ахбар. Нергал по нем плачет. Пили мы с ним у Абулетеса, Кривой мне и расскажи, что появился в Эр-Шуххре некий продавец боевых собак. Собаки эти носят утыканную шипами броню, как немедийские рыцари, и обучены разным штукам. Хозяина в бою защищают или с другими такими же на майдане дерутся. В Туране такие бои почаще петушиных устраивают. Победитель хорошие деньги получает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.